

А.Б. Ланцова

Иван Бровкин

Бровкин Иван Артемьевич, Ивашка — персонаж романа А.Н. Толстого «Петр Первый», крепостной помещика Василия Волкова, «крепкий» мужик. У него «двор... зажиточный — конь, корова, четыре курицы». Изба у Бровкина топится по черному, «дым уходит в волоковое окошечко над дверью».

Бровкин женат, имеет дочь Александру, четверых сыновей: Гаврилу, Артамона, Якова, Алексея. Жена, Авдотья Евдокимовна, относится к мужу уважительно. Бровкин — заботливый отец, который мечтает о достатке семьи.

У Бровкина колоритная внешность: «высокий колпак надвинут на сердитые брови..., рыжая борода не чесана с самого Покрова», сермяжный кафтан подпоясан низко лыком, на ногах лапти. Бровкин невысок, у него короткие ноги. Со временем внешность Бровкина меняется, но всегда она необычна и привлекает внимание.

Бровкин — мужик думающий, предприимчивый, не лишенный лукавства (сцена на дворе боярина Волкова). Он размышляет о разных поборах с крестьян, обнищавшем государстве, которое в его представлении «прорва — эдакое».

Бровкин трудолюбив и терпелив. Размышляя о себе и жене, он думает: «От работы не бегаем, терпим». Бровкин предвидит, что «еще труднее будет». О себе, трудящемся человеке, Бровкин думает с гордостью и противопоставляет себя государственным чиновникам и боярам, дворовым Волкова. О тех, кого видит разъезжающими «на золотых возках», он невысокого мнения, так как убежден: «Так вы долго на нас не прокормитесь...»

Весть о том, что «мальчонку, Петра Алкеевича», прочат на царство, Бровкин воспринимает со страхом («глаза побелели»), мысли у него сменяют одна другую. «Жди теперь боярского царства. Все распропадем», — приходит он к выводу.

Бровкин привык снимать шапку перед боярином, свyksя с побоями и руганью. Когда он привозит столовый оброк Василию Волкову в Преображенское и наблюдает, «разинув рот», предсвадебную суматоху, то «трясется со страху». Волков стегает его кнутом, а он стоит без шапки, не уклоняется, только моргает. «Хитрый был мужик, — понял: пронесло беду; пускай постегает, через полушубок не больно...»

Ему непривычно, что за него вступаются «двое в военных кафтанах», среди которых он не сразу признает сына Алешу. «Совсем заробел Ивашка... Все может быть, и Алеша...» Он отвечает двусмысленно: «Конечно, как нам не признать... Дело отец-кое...» Остерегаясь, Бровкин отвечает сыну односложно, не доверяя и ему. Видя, что «отрок не уходит, не отвязывается», он думает: «А может, и в самом деле это пропавший Алешка? Да что из того, — высоко, значит птица поднялась. С большого ли ума признавать-то его — приличнее и не признавать...» Он «хитро стал щуриться», просить денег: «Алтын бы пять али копеек восемь дали бы, за нами не пропадет, люди свои, отдадим...»

Бровкину трудно понять смятение сына. «И когда принял в заскорузлую, как ковш, руку эти деньги, — затрясся, и колени сами подогнулись кланяться». Он по холопией привычке осматривается, остерегается («две деньги сунул за щеку для верности, остальные в шапку»). Бровкин быстро выгружает воз и гонит в Москву. Позднее Бровкин будет говорить, что разбогател с этих трех рублей, данных сыном.

Как только Бровкин становится на ноги, то подпоясывается «не лыком по кострецу, а московским кушаком по груди, чтобы выпирал сытый живот», шапку надвигает на самые брови, бороду задирает. В деревне его побаиваются — «Алексей — сильненький, у царя правая рука». Волковский управитель его от барщины освободил, стал звать «уклончиво» — Бровкиным.

Бровкин — прижимистый мужик. Своего старого знакомого, идущего с войны, Цыгана, он не спешит накормить щами с солониной. Он откровенно рассказывает, что стало со двором этого мужика и признается: «Мы думали, — может, тебя на войне-то убьют».

Благодаря природной смекалке и уму, Бровкин быстро богатеет («Ивашкой-то люди забыли, когда и звали»). Волковский управитель теперь ездит к нему «в гости на новый богатый двор». Бровкин мечтает удачно выдать замуж дочь Александру. «Иван Артемьевич брал у Волкова в аренду луга и пашню. Промышлял и лесом. Недавно поставил мельницу». У него в деревне свое стадо, которое пасется отдельно (живность возит к царскому столу). «Вся деревня кланяется ему в пояс, все ему были должны...» Теперь на руках у Бровкина новые кожаные рукавицы, на ногах — новые валенки. Бровкин — как и все люди той эпохи, человек искренно верующий. Когда он слышит от рыжебородого попа Фильки в Москве о пришествии антихриста, у него «душа ушла в валенки». Бровкин становится свидетелем шутки царя Петра с Навуходоносором.

Алексей рассказывает царю о том, что отец «сделался гордый — и на купцов средней руки глядеть теперь не хочет», что никак не выдаст замуж сестру Александру. Сам Петр становится сватом у Бровкина, в женихи он выбирает Василия Волкова, бывшего хозяина этой семьи.

Расширяя дело, Бровкин мечтает поселиться в Москве. Он говорит дочери (схоронив жену, часто советуется с ней): «Двор каменный хочу ставить на Москве... В первую купеческую сотню выходим...» Санька откровенна и резка с отцом: «Лучше свиней с кем-нибудь пасти, чем угасать от вашей дурости». В гневе он бросает в Саньку деревянной солонкой.

И все же у Бровкина от вида золоченной царской кареты «руки тряслись» ноги подсклились. Алеша и Алексашка Меншиков держат его под руки, чтобы не вставал на колени. Бровкин видит, как «вместо битья или еще чего хуже, — Петр снял шапку и низко поклонился ему». Он только «разевает рот без звука». В голове у него «косяком пронеслись безумные мысли»: «неужто воровство какое открылось?» Бровкин не слышит слов Петра и успокаивается только, услышав от Алеши о сватовстве. Однако Бровкин и тут продолжает «прикидываться дурнем» («мужик был великого ума»). Он «щелкой глаз» высматривает жениха и уже без шуток обмирает, видя своего бывшего господина, Василия Волкова. Он робеет, «но не умом, — заробел поротой задницей».

Бровкину было не до потех, когда одолевала бедность. Теперь при хорошем настроении у него у глаз «лучились смешливые морщинки» («Богатому можно ведь и посмеяться, — с титешных лет до седой бороды не приходилось»).

В сцене сватовства он быстро смекает, что «главный-то дурень, видно, не я тут», что ждут от него «опасной потехи — по жердочке над пропастью пройти...» Бровкин готов позабавить царя и гостей — он по старинному обряду да с шуткой-присказкой ведет дело. «Девка у нас засиделась — вот горе... За последнего пьяницу рады бы отдать... девка красивая, только что на один глазок слеповата, да другой-то целый. Да на личике черти горох молотили... Да ножку волочит, головкой трясет и бок кривоватый...» Он входит в роль, хотя временами и оглядывается на Петра. Бровкин зовет Александру «жалобным голосом». О женихе он также говорит двусмысленно: «Будем ему отцом родным: по добру миловать, за вину учить. Кнутовищем вытяну али за волосы ухвачу, — уж не прогневайся, зятек, — в мужицкую семью берем...»

Бровкин задевает боярина за живое, доводит его до слез. Петр без смеха предостерегает Бровкина: «За веселье спасибо, — потешил... Но, Ванька, знай место, не зарывайся...» Тот оправдывается и ссылается на царскую волю: «Батюшка, да разве бы я осмелел — не твоя бы воля... А так-то у меня давно и души нет со страху...»

Бровкин поддерживает Петровы реформы. До войны он поставляет в войско овес и сено, позднее парусное полотно, сукно для кафтанов. Видя, какая опасность грозит царю от непокорных стрельцов, он спешит в Москву, без боязни входит в храм и во время

службы подходит к князю-кесарю, Федору Юрьевичу Ромодановскому, смело глядит «в мутноватые глаза его, страшные от гневно припухших век».

Бровкин становится примером для многих бояр в торговых делах, в отношении к нововведениям. Спесивый родовитый Роман Борисович Буйносов говорит приказчику: «Сделайте как у Ивана Артемьевича Бровкина». Он видит, что тот умеет добывать деньги («поставил у себя полотняный завод в Замоскворечье, сдает в казну парусное полотно»). «От денег мошна лопается», – говорит боярин. Бровкину завидуют именитые бояре, прислушиваются к его советам. «Многие именитые купцы были у него в деле и в приказах».

Бровкин радуется успехам детей, видит, что все дети умные, а «меньшенький» Артамон — «чистое золото». Он вспоминает жену: «Видно их мать, покойница, всю кровь свою по капельке отдала, всю душу изорвала, — хотела счастья детям». И Бровкин выполняет просьбу жены — не женится и не берет детям мачехи.

Каждое воскресенье у Бровкина в новом кирпичном доме на Ильинке обедает дочь с мужем. Александра и сын Артамон много говорят с ним о европейских обычаях и нравах. Слушая рассказы сына, Бровкин вздыхает: «А мы-то живем, Господи, на краю света — свиньи свиньями». Он и сам воспринимает европейские обычаи. «Дом у Бровкиных был заведен по иноземному образцу: кроме обычных трех палат, — спальня, крестовая и столовая, — была четвертая — гостиная...» Александра следит за домом и за отцом. «Иван Артемьевич понимал, что нужно слушаться дочери в этих делах». Бровкин теперь прилично одевается, часто бреется, меняет парики.

В новом его положении у Бровкина отпадает необходимость возвеличивать себя перед другими. Он за руку здоровается с самим царем. Однако вновь налаженная жизнь порой кажется ему скучной. «Иной раз хотелось посидеть на Варварке, в кабаке, с гостинодворцами; послушать заносчивые речи, самому почесать язык». Но теперь Бровкин не может этого сделать, так как в его положении все это «неуместно». Со скуки он часто по вечерам играет в карты у себя в поварне с мужиками.

Бровкин особенно любит встречаться с мужиками-односельчанами, которые, помня о его прошлом, нынче робели при нем, не смели сесть. Он не прочь побалагурить с ними, но не забывает и о своем достоинстве. По отзывам мужиков, о нем часто вспоминают в деревне («однолошадный, кругом в кабале, а был орел...»).

Бывший крепостной, юркий да ловкий, становится тучным. Перед сном его теперь самого раздевают два холопа. Помолившись, Бровкин степенно готовится ко сну. Он жалеет, что стар и не долго осталось жить («А жалко, — в самый раз теперь жить да жить»).

Бровкин роднится с древним родом Рюриковичей — Буйносовыми. Разных гостей он встречает в зависимости от их значения: «наверху, в дверях, выпятив живот в шелковом камзоле, или спускался на самое крыльцо». В разговоре с боярами Бровкин постоянно повторяет: «Мы на виду». Природная смекалка помогает ему почувствовать надвигающиеся важные события — войну и осторожно повести разговор с Шориным и Свешниковым о возможном строительстве суконного завода. Бровкин важничает перед ними, старается показать свою осведомленность в государственных делах. И на то есть основания: к нему расположен Меншиков, который тоже стремится стать «интересаном» в этом деле вместе с Шафировым. Он намекает Бровкину, что надо самому ставить завод без вмешательства иноземца Мартисена.

Бровкин гордится тем, что нынче он вместе с родовитыми боярами допущен в Успенский собор. Он придерживается мнения, которое высказывает Шорину: «Родом не взяли, другим надо брать».

Бровкин всегда готов поддержать царя, свою главную опору. Он понимает, в каком затруднении оказался Петр после поражения под Нарвой. «Связал нас Бог одной веревочкой, куда ты, туда и мы», — обращается Бровкин к Петру. Царь с удовлетворением замечает: «Другого ответа от тебя не ждал. Умен ты. Смел. Много тебе

воздастся за это...» На такой поворот дел «Свешников даже обмер: ведь сговорились только что — попридержать денежки, и вдруг Ванька-ловкач сам выскочил».

Бровкин любит всех своих детей, но к Александре он особенно снисходителен. Отец всегда дает ей денег, посылает и за границу. Бровкин любит на картину, на которой изображена дочь. Он счастлив, когда Петр Алексеевич хвалит сына Гаврилу, на глаза у него навертываются слезы.

Бровкин — энергичный и смелый человек. Он не может сидеть дома, сам ездит на мануфактуры. После пожара в Москве он быстро осознает выгоду от лесоразработок и нанимает мужиков валить лес. Бровкин готов на Неве завести свое дело. «Через Меншикова добился права — брать из тюрем Ромодановского колодников».

Бровкин ценит мастеровитых людей. «За семьсот рублей выкупил состоявшего за Разбойным приказом знаменитого кузнечных дел мастера Жемова (на тройке привез из Воронежа)». С его помощью Бровкин внедряет на своих заводах новые машины. Жемов ставит ему «на новом лесопильном заводе в Сокольниках невиданную огненную машину, работающую от котла с паром».

Бровкин из крепостного мужика становится богатым купцом, близким к царю, но он осознает предел своих возможностей. Сыну Гавриле, влюбившемуся в царевну Наталью Алексеевну, он говорит: «Одно скажу, Гаврюша, — близко огня ходишь, поостерегись...»